

ОБ ОДНОМ НАЗВАНИИ ВОЛКА В СЕРБИИ: АРХАИКА ИЛИ ИННОВАЦИЯ?

Анна Аркадьевна Плотникова

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: annaplotn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Аннотация

В статье рассматриваются две гипотезы происхождения лексемы *kurjak* 'волк' в сербском языке. Слово имеет ограниченный ареал бытования в сербскохорватском диалектном пространстве (распространяясь и на диалекты восточной Боснии, Черногории), входит в словарный состав сербского литературного языка. Компактный ареал лексемы в центре Южной Славии может свидетельствовать о славянском архаическом происхождении слова (письменные ономастические фиксации известны с начала XIV в., как показывает работа А. Ломы по топонимии средневековой грамоты). Более распространенная гипотеза о турецком заимствовании также заслуживает всестороннего рассмотрения. В обоих случаях к анализу привлекается фольклорно-этнографический материал, помогающий выявить возможные следы почитания волка на славянских Балканах: во-первых, опасному зверю приносится жертвоприношение в виде петуха, курицы, цыпленка (сербско-болгарское пограничье); во-вторых, табуированные названия вредоносных животных, в том числе с использованием матерной брани, могут служить подкрепляющим фактором в случае заимствования турецкого *kyuruk* с последующей контаминацией со славянским бранным словом при наименовании волка. В обоих случаях этнолингвистические и картографические данные представляются наиболее верным шагом к решению проблемы автохтонного появления / заимствования лексемы в сербском языковом пространстве.

Ключевые слова

Сербская лексика, диалекты, заимствования, культ волка, жертвоприношение, народный календарь, этнолингвистика, ареалогия, сербско-болгарское пограничье, Балканы

Статья поступила в редакцию 10 августа 2023 г.

Статья доработана автором 13 ноября 2023 г.

Статья принята в печать 15 ноября 2023 г.

Цитирование: Плотникова А.А. Об одном названии волка в Сербии: архаика или инновация? Славянский мир в третьем тысячелетии. 2023. Т. 18. № 3–4. С. 115–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.08>

ON ONE NAME FOR A WOLF IN SERBIA: ARCHAICS OR INNOVATION?

Anna A. Plotnikova

D. Sc., Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospekt, 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: annaplotn@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9154-5046

Abstract

The article considers two hypotheses of the origin of the word *kurjak* ‘wolf’ in the Serbian language. This word has a limited existence in the Serbo-Croatian dialect space (spreading to the dialects of Eastern Bosnia and Montenegro). However, it is included in the vocabulary of the Serbian literary language. The compact area of usage in the center of Southern Slavia may denote the Slavic archaic origin of the word (as the written onomastic fixations have been known since the beginning of the 14th century, based on the work of A. Loma). The more common hypothesis of Turkish borrowing also has the right to be comprehensively analyzed. In both cases, folklore and ethnographic material is involved in the analysis, which helps to find some possible traces of the wolf veneration in the Slavic Balkans. Firstly, a sacrifice is made to a dangerous beast with a rooster, hen or chicken (Serbian-Bulgarian border). Secondly, the taboo names of harmful animals, including the use of swearing, can serve as a reinforcing factor in the case of borrowing the Turkish *kuyruk* with subsequent contamination with the Slavic swear word when naming a wolf. In both cases, ethnolinguistic and cartographic data seem to be the most correct route towards solving the problem of the autochthonous / borrowed nature of this word in the Serbian language space.

Keywords

Serbian lexicon, dialects, borrowings, wolf cult, sacrifice, national calendar, ethnolinguistics, areaology, Serbian-Bulgarian border, Balkans

Received 10 August 2023

Revised 13 November 2023

Accepted 15 November 2023

For citation: Plotnikova, A.A., 2023. Ob odnom nazvanii volka v Serbii: arkhaiika ili innovatsiia? [On One Name for a Wolf in Serbia: Archaics or Innovation?]. *Slavic World in the Third Millennium*, 18 (3–4), pp. 115–124. <https://doi.org/10.31168/2412-6446.2023.18.3-4.08>

В центральной части южнославянского континуума в диалектах бывшего сербскохорватского языка регулярно функционирует название волка *курјак*: с.-серб., ц.-серб., черног., босн. *курјак*. Слово известно и широко употребляется в северной Сербии (Воеводина), центральной, западной, восточной и отчасти юго-восточной Сербии, а также в Черногории и Боснии.

Данная лексема может быть заимствована из турецкого языка, где функционирует *kurt* ‘волк’; ср. также серб. обл. *kurjuk, kujruk* из тур. *kuyruk* с тем же или близким значением (тур. лит. *kuyruk* ‘хвост’, ‘волк’)¹. Выводы об ареале лексемы на сербской лингвистической территории сделаны на основе данных диалектных словарей, при этом следует отметить, что рассматриваемый турцизм вошел и в литературный сербский язык наряду со славизмом *вук*. Указания в литературных словарях сербскохорватского языка на производные от *курјак* свидетельствуют о тенденции к расширению форм и значений: *курјаков* ‘волчий’, *курјакуша* ‘дробь для волка’ — в словаре Матицы Сербской 1969 г.²; *курјаче, курјачић* ‘волченос’, *курјачица* ‘самка волка’, *курјачји, курјачки* ‘волчий’³ и т. д. Любопытно, что уже в первом из указанных словарей приводится и целый ряд поговорок с использованием лексемы *курјак*: *курјак длаку мења а ћуди никада* «волк шерсть меняет, а норы — никогда»; *и курјаци сити и овци на броју* «и волки сыты, и овцы целы»; *с курјацима треба урлати* «с волками жить — по волчьей выть» и др.⁴

Если по сведениям из диалектных словарей представить карту распределения наименований *курјак*, то на западе сербскохорватского диалектного ареала условной крайней «точкой» будет регион Рогатицы в восточной Боснии, где отмечено *курјак* ‘волк’⁵, а на юго-востоке — район Понишавья; в частности, в пиротских диалектных текстах о встрече с волком отмечены фразы, поясняющие, что волка называют и *влк* (*влци, влчиште тека ћи окамо* «волки, волчары — так их называем»), и *курјак* (*курјакът, тој влк*,

¹ В данной статье отвергается гипотеза П. Скока о происхождении лексемы *курјак* из венгерского, в чем автор согласен с такими учеными, как А. Лома, А.В. Дыбо и др. Петар Скок данное название волка связывал с венг. *kurya* ‘волк’, указывая на уподобление слову *вук* по конечной согласной, однако остается неизвестным, в каких зонах Венгрии это наименование отметил ученый, поскольку волк по-венгерски — *farkas*, букв. ‘хвостатый’. Чисто теоретически это был бы небезосновательный аргумент в пользу дополнительного «подкрепляющего» фактора для табуированного названия волка с учетом широкого распространения самого слова *курјак* в значении ‘волк’ в центральной части Южной Славии. См. в: *Shok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972. Knj. 2. S. 243.

² Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска, Загреб: Матица хрватска, 1969. Т. 3. С. 135. (Далее РСКХЈ).

³ Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011. С. 603.

⁴ Речник српскохрватскога... С. 135.

⁵ *Јахић Џ.* Ловачка лексика и фразеологија у Рогатичком крају. Српски дијалектолошки зборник. 1983. Књ. 29. С. 361.

курјак све једно «“курьяк”, этот волк, “курьяк” — всё одно»⁶. В восточной Сербии лексема *курјак* и ее производные известны на Тимоке: *курјаковина* ‘шкура волка’, ‘часть одежды из шкуры волка’, *курјачетина* ‘волчара’⁷, то же фиксируется и при полевых исследованиях восточной Сербии⁸. Вместе с тем лексема отсутствует в диалектных словарях из южной Сербии Г. Элезовича, М. Златановича, а также и в словарях македонского языка, см., например, трехтомный словарь македонского языка 1961–1966 гг.⁹ Другими словами, лексема практически не фиксируется как на юге Сербии, так и в других южнославянских языках, а также на западе и на востоке от обозначенной выше территории. Ареал наименований лексемы *курјак* можно охарактеризовать как компактный центрально-южнославянский. Последнее наводит на мысль о второй гипотезе происхождения слова, бытующего в ограниченном ареале сербскохорватского языка, — собственно славянской.

В пользу архаических старосербских значений слова могут быть признаны топонимы из Грамоты короля Милутина монастырю Баньска (*Бањска хрисовуља краља Милутина*, или *Повеља краља Милутина манастиру Бањска*, или *Светостефанска хрисовуља*¹⁰), исследованной сербским ученым А. Ломой в объемной монографии, посвященной старосербской топонимике в средневековой «Баньской грамоте»¹¹: нижняя граница датировки грамоты рассматривается как 1312–1313 гг. В «Словаре топонимов, отмеченных в Баньской грамоте», который занимает центральную часть монографии, приводятся следующие наименования: *Курјак* и *Курјач рт* в Старой Сербии (область Рашка) как обозначения приблизительно одного и того же места — горы, определяющей надель земли. А. Лома дает также сведения о сходных топонимах в этой местности: старое наименование села *Курјача* (по турецким источникам), гора (982 м) под существующим до сих пор названием *Курјача*, а в качестве дополнительных сведений упоминается топоним *Курјача* — высокий холм в Маевице (северо-восточная Босния)¹². Автором выдвигается предположение о том, что топоним происходит из ст.-серб.

⁶ *Ђирић Љ.* Говори Понишавља. Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књ. 46. С. 241.

⁷ *Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик, 2008. С. 370.

⁸ Благодарю Е.И. Якушкину за сведения из лингвистических экспедиций, проведенных вместе со студентами в восточной Сербии и других частях сербского лингвистического пространства.

⁹ Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје: Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1961. Т. I: А-Н.

¹⁰ По наименованию монастыря Святого Стефана в местечке Баньска, построенного королем Милутином в качестве прижизненного дара живым (*задужбина*), а также и своей будущей гробницы.

¹¹ *Лома А.* Топонимија Бањске Хрисовуље. Ка осмишлењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенских именованих образаца. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013.

¹² Там же. С. 126.

поссесивного прилагательного *курјач* (как принадлежащий, возможно, волку)¹³. В статье словаря *Курјак* при анализе упомянутого в грамоте топонима *Курјач рт* дискуссионная проблема представлена подробнее, с указанием на возможную праславянскую лексему **kurъjakъ* из **kurъjъ* ‘куриный’.

По мнению А. Ломы, связь названий волка и курицы может объясняться только употреблением наименований волка в насмешливом, унизительно-ругательном значении, чему посвящается дальнейшая часть словарной статьи автора. Ученый пишет о том, что если лексема *курјак* — слово, появившееся в сербском языке до XIV в., то в основе притяжательных прилагательных могла бы лежать унизительная кличка **Kurjak* ‘импотент’ или же видоизмененный вариант календарного имени святого *Киријак*, что слабо соотносится с хронологией и распространением вариантов имени святого в этих местах в такой степени, чтобы появлялись оронимы и топонимы на данной основе¹⁴.

Возможным решением проблемы происхождения связи волка и петуха (курицы, цыпленка) было бы обращение к фольклорно-обрядовой традиции сербов, причем именно в одной из наиболее архаических ее зон — восточной. Как известно, волк у славян — «один из центральных и наиболее мифологизированных животных персонажей»¹⁵, и по самым недавним полевым фиксациям из восточной (и частично — центральной) Сербии, в дни, посвященные волку, ему приносится в жертву петух или цыпленок. Так, по собранным мною данным в 1997 г. в селе Доня-Каменица¹⁶ в течение недели, посвященной волкам (называется *Мратинци*, *Мратиньци*, поскольку празднуется осенью после дня св. Мраты, 11/24.XI), женщины не прядут шерсть, чтобы волк не тронул домашних животных, но режут и жарят цыпленка, называемого *мратиньак*. В селе Равна-Гора (Лесковацкий край, район Власотинцев)¹⁷ на неделе, называемой *мратиньци*, которая празднуется для предупреждения нападений волка на скот, существовал запрет работать с веретеном и вязать, а в день св. Мраты на пороге дома резали курицу или цыпленка, называя его *мратá*. Важно отметить, что такая жертва в первый день «волчьей недели» была обязательна, иначе запрещалось в течение праздников работать с режущими предметами: *Закољемо кокошкy, да не кољу вуци, да си може кољемо преко Мратинци, да си работимо* [Режем курицу, чтобы волки не нападали, чтобы мы могли резать во время праздников, работать]. При продолжении беседы информантка выразилась более

¹³ Гипотеза о происхождении слова от прилагательного выдвигается под знаком вопроса.

¹⁴ Лома А. Топонимија Бањске Хрисовуље... С. 125-126.

¹⁵ Гура А.А. Волк. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А-Г). С. 411.

¹⁶ Пункт «Малого диалектологического атласа балканских языков», обследование проводилось в рамках одноименного проекта под рук. А.Н. Соболева.

¹⁷ Совместное полевое обследование села с Б. Сикимич, 1998 г.

определенно: *Само за Мрату закољу кокошку, да може да кољемо свиње тьг у јесен. Да мож да кољеш. Ако не закољеш, не ваља да кољеш после, закоље ти вук* [Курицу режем только на праздник Мрата, чтобы затем резать свиной осенью. Чтобы иметь право резать. Если не зарежешь <курицу>, нельзя после резать <свинью>, волк у тебя заберет]¹⁸. На самом юге Сербии (с. Ябланица на Пчине)¹⁹ «куриная» жертва может только обозначаться: пускают, например, лишь каплю крови в канун первого дня «волчьей недели». Впрочем, некоторые собеседники, проживающие в Ябланице, убеждены, что следует резать курицу или петуха в день св. Мраты, жертва также называется *Мрата*²⁰.

При этом только лишь на южнославянской периферии (на востоке и юго-востоке Сербии) эта жертва известна в виде петуха, цыпленка, курицы (*мрата, мратиньак* по названию праздничных дней). Как показывает карта «волчьих» дней в Южной Славии, распространение куриного жертвоприношения в осенний праздник св. Мраты фиксируется в архаической зоне сербско-болгарского пограничья (на востоке и юго-востоке Сербии, реже — на северо-востоке Болгарии, единичные случаи отмечены в средней части Болгарии и в Македонии), тогда как в других славянских традициях рассматриваемый ритуал отсутствует²¹.

Ареалы праздников, посвященных отгону от дома зверей, которые причиняют ущерб хозяйству особенно в зимнее время (волка, медведя и даже мышей), на карте Южной Славии оказываются сходными по конфигурации — концентрация наименований и соответствующих экстралингвистических контекстов (фольклорных и этнографических) наблюдается на сербско-болгарском пограничье: см. карты «День св. Андрея как “медвежий” день: названия, ритуалы, легенда»²²; «“Мышиный день”: названия, время празднования»²³. Ареал куриного жертвоприношения волку, имеющий древнюю природу, совпадает с ареалами других «звериных» праздников на сербско-болгарском пограничье и в Болгарии. Таким образом, при кар-

¹⁸ Информантка — Ружа Величкович, 1925 г.р.; расшифровка диалектных текстов осуществлена Б. Сикимич. В этой же местности активно практиковался обход домов с чучелом убитого волка; подробнее о ритуальном обходе *вучари* см. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 123–134.

¹⁹ Совместное полевое обследование села с Б. Сикимич, 1998 г.

²⁰ Подробнее аутентичные утверждения информаторов см. в работе: Плотникова А.А. Этнолингвистические материалы из Пчини (южная Сербия). Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 63–149. <https://doi.org/10.31168/91674-650-1>

²¹ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 72–79, 348–358.

²² См.: Там же. С. 360–364.

²³ В данном случае в качестве дифференцирующего признака для выявления изодока на территории Южной Славии указывается и время празднования: Там же. С. 340–347.

тографировании данного фрагмента народной культуры обнаруживается балканский характер подобных празднований, особенно это касается волчьих дней, известных и в Румынии²⁴, а также и у гуцулов под влиянием соседей-румын²⁵. Примечательно, что на сербской территории еще на рубеже XX–XXI вв. ритуал достаточно полно сохранялся, о чем свидетельствуют собственные записи автора (констатация ритуала и корреспондирующих фрагментов народной культуры в восточной Сербии практически повсеместна). Однако если на сербской территории единичны обозначения праздников от лексемы **vŭlk*, то в Болгарии и восточной части Македонии они превалируют (болг. *Вълчи празници (дни)*, з.-болг. *Вучляци*, в.-болг. *Вълче погано* и под.), что в данном случае отражает менее христианизированную картину наименований «поганных» праздников. На границе с Сербией возможны контаминированные варианты названий праздника и жертвы волку: в с. Чипровцы вблизи Железны три, шесть или семь дней, празднуемых для защиты от волков (начиная от дня св. Архангела Михаила, 8/21.XI), называются либо *Мъртинци (Мрътинци)*, либо *Вълчи празници*, тогда как жертвуемого в это время петуха именуют *мратиняк*²⁶.

Табу с использованием ругательной, а также и матерной лексики по отношению к любому опасному зверю находит аналогии на всей территории южнославянского континуума, ср., в частности, серб. диал. обозначения змеи *проклетија*, *поганица* и пр. Так, *гадовија* в области Бачка (Срем) встречается в заклинательной отгонной формуле против змей на Лазареву субботу. Женщина в Лазареву субботу произносит заклинание при ритуальном обходе дома: «Беште, беште гадовија, вија вас лазарија» [Бегите, бегите, гады, преследуют вас лазарицы] (с. Товаришево, Воеводина, Сербия)²⁷. Важно и то, что в отношении волка в праздники, ему посвященные, фиксируются лишь единичные случаи отгонных формул — в силу более высокого статуса зверя, которому следует приносить жертву, — однако табу на упоминание волка встречается как в названиях самих праздников (ю.-в.-болг. *Погано*, *Заклопени дни*, букв. ‘закрытые дни’ и под.), так и в немногочисленных встреченных нами в литературе заклинаниях против волка. На территории сербского лингвистического пространства удалось найти только два случая, оба — из Косово²⁸: в первом случае волка называют ги-

²⁴ См., например: *Голант Н.Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения). Карпато-балканский диалектный ландшафт. Памяти Галины Петровны Клепиковой: Сборник статей / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 295.

²⁵ *Кабакова Г.И.* Волчьи дни. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 428.

²⁶ Зап. А.А. Плотниковой и Е.С. Узенёвой, 2000 г.

²⁷ *Босић М.* Годишњи обичаји Срба у Војводини. Нови Сад: Монада, 1996. С. 234.

²⁸ Отметим, что в самом этнографическом описании Т. Вукановича из Косова встречаем только употребление лексемы *вук*, тогда как лексема *курјак* отсутствует даже при описании «волчьих праздников» (сделанном автором на основе рассказов ин-

перонимом *zver* (регион Средска)²⁹, во втором — оценочным отрицательным *roganac* (Ново Брдо)³⁰, как и в случае со змеями, мышами и прочими дикими животными, которых не хотят видеть в пространстве дома и двора. В болгарских регионах на пограничье с Сербией встречаются прямые обращения к волку без упоминания его имени: в районе Самокова (с. Радуил) в канун дней, называемых *Вучл'аци* или *Мратинци* (11/24.XI — 19.XI/2.XII) и празднуемых с целью защиты дома и хозяйства от волков, хозяева обходили стадо с ножом, затем вкладывали его в ножны и запирали на замок, зарубали топором кладку дров, закручивали сверло в дерево и красной ниткой делали несколько стежков на рубашке в обратную сторону со словами: «Зашиваю тебе пасть, зашиваю тебе глаза...»³¹.

Подытоживая собранные данные о фольклорных и этнокультурных контекстах, связанных с почитанием волка на Балканах, включая способы защиты от него (задабривание и магические отгонные действия), можно сделать некоторые выводы о втором наименовании волка в Сербии — *курјак*. Во-первых, топонимические данные (на которые указывает А. Лома) могут служить подтверждением того, что «куриные» жертвы волку ранее совершались в определенных местах, особенно на холмах. Эти данные, несомненно, усиливают архаическую культурную составляющую ритуала, сохраняющегося по сей день. Подобные названия холмов и невысоких гор (и их ономастические продолжения³²) могут, соответственно, свидетельствовать об архаическом славянском происхождении наименования *курјак*. В этом случае ограниченный ареал лексемы *курјак* получает иную трактовку, подтверждая гипотезу именно об исконно возникшем славянском наименовании, имеющем изначально весьма узкое распространение³³. Во-вторых, гипотеза о турецком заимствовании лексемы также заслуживает внимания, поскольку на южнославянской почве возможно переосмысление

формантов), что лишний раз свидетельствует в пользу ограниченного функционирования лексемы *курјак* в сербском диалектном пространстве.

²⁹ Перед праздником *Мратинци* хозяйка соединяет вместе чесальные гребни для конопля со словами: *Бог да ни чува стоку од звери* «Пусть Бог нам хранит скот от зверя»; см. *Vukanović T. Srbi na Kosovu. Vranje: Nova Jugoslavija, 1986. Т. 2. S. 410.*

³⁰ В течение 9 дней, пока празднуются *Мратинци*, не ткют, не прядут и не работают с шерстью, а части ткацкого станка разбираются с магическим приговором: *Чувај Боже стоку од поганца* «Сохрани, Боже, скот от поганого» (*Vukanović T. Srbi na Kosovu. Т. 2. S. 410.*)

³¹ Подробнее см. *Ангелова Р. Село Радуил. Самоковско. Известия на семинара по славянска филологија при Университета в Софија. 1948. Кн. VIII–IX. С. 223–224.*

³² См. например, фиксацию *Гргур Курјакковић* от 1333 г. (*Лома А. Топонимија Бањске Хрисовуље... С. 126.*)

³³ Автору статьи близка именно эта версия, так как она подкреплена ареалогическим критерием (отсутствие наименования в болгарском и македонском языках, а также и на юге Сербии). Следует добавить, что в силу вхождения слова *курјак* (и его многочисленных производных) в современный сербский литературный лексикон, составление карты распространения наименования в настоящее время крайне затруднительно.

внутренней формы турецкого названия волка и сближение наименования с *kur(j)*- с соответствующими пейоративными коннотациями, присущими славянскому омонимичному корню. Не исключено и параллельное развитие обоих процессов — славянский архаизм **kurьjakъ* на достаточно компактной территории юго-западной Сербии (Рашка) и примыкающих областей, с одной стороны, и позднее инновационное влияние турецкого языка, с другой.

Источники

- Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд: Институт за српски језик, 2008. 921 с.
- Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје: Институтот за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1961. Т. I: А–Н.
- Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2011.
- Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад: Матица српска; Загреб: Матица хрватска, 1969. Т. 3.
- Škok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, 1972. Knj. 2.

Литература

- Ангелова Р.* Село Радуил. Самоковско. Известия на семинара по славянска филологија при Университета в София. 1948. Кн. VIII–IX. С. 301–392.
- Босић М.* Годишњи обичаји Срба у Војводини. Нови Сад: Монада, 1996.
- Голант Н.Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения). Карпато-балканский диалектный ландшафт. Памяти Галины Петровны Клепиковой: Сборник статей / отв. ред. А.А. Плотникова. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 271–322.
- Гура А.А.* Волк. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 411–418.
- Јахић Џ.* Ловачка лексика и фразеологија у Рогатичком крају. Српски дијалектолошки зборник. 1983. Књ. 29. С. 341–402.
- Кабакова Г.И.* Волчи дни. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1 (А–Г). С. 427–428.
- Лома А.* Топонимија Бањске Хрисовуље. Ка осмишљењу старосрпског топономастичког речника и бољем познавању општесловенких именованих образаца. Београд: Српска академија наука и уметности, 2013.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.
- Плотникова А.А.* Этнолингвистические материалы из Пчини (южная Сербия). Славянские архаические ареалы в пространстве Европы / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2021. С. 63–149.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Ђурић Љ. Говори Понишавља. Српски дијалектолошки зборник. 1999. Књ. 46. С. 1–262.

Вукановић Т. Срби на Косову. Вранје: Nova Jugoslavija, 1986. Т. 2.

References

Angelova, R., 1948. The village of Raduil. Samokovo region. *Izvestija na seminara po slavjanska filologija pri Universiteta v Sofija*, VIII–IX, pp. 301–392. (In Bulgarian)

Bosić, M., 1996. *Annual customs of Serbs in Vojvodina*. Novi Sad: Monada. (In Serbian)

Ћirić, Lj., 1999. Dialects of Ponišavlje. *Srpski dijalektološki zbornik*, 46, pp. 1–262. (In Serbian)

Golant, N.G., 2008. Ethnolinguistic materials from Mălaia commune, Romania (Valcea county, Oltenia region). In: A.A. Plotnikova, ed, 2008. *Carpatho-Balkan dialectal landscape. In memory of Galina Petrovna Klepikova: Collection of articles*. Moscow: Institut slavjanovedenija RAS, pp. 271–322. (In Russian)

Gura, A.A., 1995. Wolf. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 1 (A–G), pp. 411–418. (In Russian)

Jahić, Zh., 1983. Hunting lexicon and phraseology in the Rogački region. *Srpski dijalektološki zbornik*, 29, pp. 341–402. (In Serbian)

Kabakova, G.I., 1995. Wolfs' days. In: N.I. Tolstoy, ed, 2004. *Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, Vol. 1 (A–G), pp. 427–428. (In Russian)

Loma, A., 2013. *Toponymy of Banjska Hrisovuja. Toward the creation of an Old Serbian toponymic dictionary and a better knowledge of all-Slavic nomenclatural patterns*. Belgrade: Srpska akademija nauka i umetnosti. (In Serbian)

Plotnikova, A.A., 2004. *Ethnolinguistic geography of Southern Slavia*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Plotnikova, A.A., 2021. Ethnolinguistic materials from Pčinja (Southern Serbia). In: S.M. Tolstaja, ed, 2021. *Slavic archaic areas in Europe*. Moscow: Indrik, pp. 63–149. (In Russian)

Tolstoj, N. I., 1995. *Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics*. Moscow: Indrik. (In Russian)

Vukanović, T., 1986. *Srbi na Kosovu*. Vranje: Nova Jugoslavija. Vol. 2.